

Борисенко А.Ю.,
Худяков Ю.С.,
г. Екатеринбург

ВКЛАД ОСНОВАТЕЛЯ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ ДЕ ГЕННИНА В ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ УРАЛА И СИБИРИ

Большой вклад в изучение сибирских древностей в XVIII – XIX вв. внесли немецкие ученые, путешественники, администраторы, военные, специалисты горного дела и медицины, находившиеся на российской службе. Многие из них проявляли интерес к истории и культуре народов Сибири и Центральной Азии. Археологические памятники, обнаруженные и зафиксированные немецкими исследователями, собранные ими коллекции древних предметов из грабительских раскопок бугров-щиков, наблюдения и зарисовки любителей старины сохраняют значительную ценность до настоящего времени, поскольку многие уникальные памятники и находки не сохранились до настоящего времени и сохранены для научного изучения только благодаря описаниям и рисункам побывавших в Сибири европейцев.

Среди европейских исследователей, внесших значительный вклад в изучение древностей Сибири в первой половине XVIII в., наряду с именами Д.Г. Мессершмидта, Ф.И. Страленберга, Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина, И.Э. Фишера, необходимо упомянуть де Геннина, работа которого еще не в полной мере оценена специалистами по историографии сибирской археологии. Георг Вильгельм де Геннин родился в 1676 г. в Голландии. В 1697 г. он был приглашен по рекомендации бургомистра Амстердама фон Витзена генералом А. Леффортом на российскую службу. Приехав в Россию, де Геннин служил артиллеристом, военным инженером, администратором. Он принимал участие в составе российской армии в Северной войне против шведов, руководил строительством оборонительных укреплений в Новгороде и Фин-

ляндии, возведением пушечного и пороховых заводов в Санкт-Петербурге, был комендантом и начальником горных заводов в Олонецком крае. Это был выдающийся специалист в области фортификации и горно-металлургического дела в XVIII в., генерал-лейтенант артиллерии, кавалер ордена Святого Александра. В течение 12 лет, с 1722 по 1734 г., он был управляющим казенными заводами на Урале и в Сибири. Для работы на заводах он привлек многих иностранных специалистов. Среди них упоминаются в его книге и биографическом очерке, берг-советник Михаэлис, берг-мастер И. Близэр, шведский капитан Берглин, мастера различных металлургических специальностей из Саксонии, Бранденбурга и Ганновера, из Голландии: Томас Меллер, Готфрид Генель, Циммерман, Ваплер, Штифт, братья Кайзер, Барент, медик Иоганн Спринцель. Оборудование для заводов, инструменты и специализация мастеров были заимствованы из Саксонии. Для управления заводами было создано специальное учреждение, Сибирский обер-берг-амт. За годы работы на Урале и в Сибири де Геннин способствовал значительному развитию горно-металлургического производства. При его управлении было построено девять новых и перестроены некоторые старые заводы. Важное значение имело строительство в 1723 г. города-крепости и горного завода Екатеринбург на р. Исети. В Екатеринбурге были построены две школы, де Геннин стремился открывать школы и на других заводах. Во время своей службы де Геннин занимался не только организацией металлургического и оружейного производства, но и научной деятельностью. Он собирал материалы для своей книги об уральских и сибирских заводах, и серьезно интересовался древностями. Он мог заинтересоваться древностями еще проживая в Голландии, поскольку был знаком с фон Витзенем, автором знаменитой книги о Сибири и владельцем богатой коллекции древних вещей. Однако реализовать свои интересы в этой области он смог лишь в период управления казенными заводами Урала и Сибири. Он составил описание некоторых памятников древности, возможно, раскапывал отдельные курганы и собирал большую коллекцию «куриозных вещей». Все собранные материалы де Геннин привез в 1734 г. в Санкт-Петербург. Рукопись книги была подготовлена де Генниным в 1735 г., но оставалась неизданной более 200 лет. Материалами из книги пользовались другие авторы XVIII – XIX вв., П. Демидов, И. Шлаттер и др.

Впервые книга де Геннина была опубликована на русском языке в 1937 г. В ней приведены описания археологических памятников, но рисунки кургана и находок остались неизданными. Они были специально рассмотрены в работах Е.Н. Дмитриевой и В.П. Левашовой в 1965 г. и А.А. Формозовым в 1986 г. О работах де Геннина в Прииртышье писали Е.А. Княжецкая и Л.Р. Кызласов.

В книге де Геннина упоминаются «сделанные из красной меди» старинные идолы, найденные в «прежние годы» в тех местах, где некогда обитали племена чудь, вогулы и вотяки. Его внимание привлекли находки костей мамонта в окрестностях Екатеринбурга, Тюмени, Березова и Якутска. Рисунки «подземных и прочих курьезных вещей» были сведены в три таблицы и на них приведены ссылки в тексте. Де Геннин упоминает древние рудники, находки серебряных монет и прочих «серебряных могильных вещей», которые показаны им в «абрисе на листу». Он считал, что в «недавние времена» в этих землях проживал «народ чуцкой», который сам печатал «монету денежную». Показанные на рисунке изображения монет с арабскими надписями являются дирхемами IX–XI вв. Де Геннин упоминает развалины древних строений на Аргуни и находки литых медных гирь с надписями неизвестным письмом.

Наиболее подробные сведения о древних памятниках содержатся в разделе его книги о древних копиях, расположенных между Обью и Иртышом, около Убинской, Усть-Каминской и Семипалатинской крепостей, на границе земель джунгар и телеутов. Им описаны развалины «старых чуцких строений на р. Облакет, где были найдены рукописи на «тангуском» языке, «истуканные фигуральные» вещи и фигуры идолов, «устроенные на проволоках», таким образом, что при раскрытии дверей храма они встают на ноги «яко живые». Он упоминает множество «бугров» с захоронениями людей и лошадей. В могилах найдены украшения из меди, серебра и золота. По наблюдениям де Геннина, чем дальше на восток по территории Прииртышья расположены могилы, тем больше в них золота. Многие курганы уже в XVIII в. были разграблены бугровщиками, торговавшими найденными вещами. Особое внимание исследователя привлекла могила, названная «Пудовик». В ней лежали тела людей на тонкой золотой доске. Поверх одежды погребенных были положены золотые листы, толщиной в бумажный лист. На погребенных

было сильно истлевшее «камчатое одеяние», а конский убор «не вовсе еще изоржавел».

При издании книги де Геннина в 1937 г. остались не опубликованными рисунки кургана и древних вещей. Они были проанализированы Е.Н. Дмитриевой и В.Л. Левашовой, но при этом некоторые вещи получили неточную атрибуцию.

Коллекция «куриозных вещей» собиралась де Генниным длительное время на Урале и в Сибири. В ней имеются арабские монеты из Пермской области, шумящая подвеска из Приуралья, навершие кулайского времени из Западной Сибири, таштыкская бляшка из Минусинской котловины. Но большинство находок относится к скифскому и древнетюркскому времени из Рудного Алтая. К скифскому времени относится бронзовый светильник на трех ножках с фигурками верблюдов и кошачьих хищников. Подобные светильники с изображениями животных найдены в составе кладов на оз. Иссык-Куль, Зайсан и в Семиречье. Они датируются второй половиной I тыс. до н. э. К позднему этапу скифской эпохи должно относиться золотое изображение хищной птицы с распростертыми крыльями и поднятым вверх павлиньим хвостом. Очень близкая по характеру оформления бляха, изображающая хищную птицу с телом козла в когтях, имеется в «Сибирской коллекции» Петра I. Эта бляха изготовлена из золота со вставками из цветных камней, т.е. с элементами полихромного стиля, характерного для культур сарматского круга.

К числу предметов, выполненных в скифском зверином стиле, относится плоскостная бляшка в виде фигуры оленя с подогнутыми ногами и декоративно оформленными, ветвистыми, вычурными рогами. Подобный ажурный стиль в исполнении оленьих бляшек характерен для позднего этапа скифской эпохи, когда изображения животных становятся очень стилизованными, не реалистичными. Наиболее близкие аналогии данной бляшке имеются в материалах поздних этапов тагарской культуры.

К скифскому времени относится в Прииртышской коллекции де Геннина витой браслет с фигурами животных, вероятно, кошачьих хищников. Подобные браслеты имеются в составе «Сибирской коллекции» Петра I. К этой эпохе должна относиться и бронзовая шпилька с навершием в виде фигуры коня. Близкие по форме предметы характерны для пазырыкской культуры.

Ряд вещей из состава Прииртышской коллекции был ошибочно отнесен Е.Н. Дмитриевой и В.П. Левашовой к скифскому времени.

Трудно согласиться с мнением этих авторов, отнесших скульптуру копытного животного, похожего на осла с попоной на спине, на прямоугольной подставке, к кругу тагарских древностей. Рисунок очень похожей скульптуры осла, только повернувшего назад голову, имеется в материалах экспедиции Г.Ф. Миллера среди предметов, найденных «между Обью и Иртышом».

Бронзовое навершие с шестью головами животных и тремя антропоморфными личинами также не относится к скифским древностям. Вероятнее всего, оно может относиться к кулайскому бронзовому литью.

К этому же кругу авторы отнесли «бронзовый стерженек с плоской фигурной головкой, в завитках которой улавливаются очертания стилизованных грифонов». Более вероятно, что на рисунке де Геннина изображена подвеска, напоминающая подвески таштыкской культуры.

Украшение с шумящими подвесками на четырех цепочках должно относиться к культурам Приуралья.

Хотя круг аналогий вещам скифского облика из коллекции де Геннина достаточно широк, большинство из них имеют сходство с материалами «Сибирской коллекции» Петра I, большая часть находок которой также происходит из Прииртышья и относится к концу I тыс. до н. э.

Вещи скифского времени в коллекции де Геннина немногочисленны, что может быть свидетельством в пользу того, что он не раскапывал трудоемких больших земляных курганов раннего железного века, а получил эти предметы от бугровщиков.

Некоторые вещи, относящиеся к древнетюркскому времени, были без достаточных оснований отнесены Е.Н. Дмитриевой и В.П. Левашовой к скифской эпохе. Например, бляшка с антропоморфной ушастой личиной должна относиться к эпохе раннего средневековья. Подобные бляшки встречаются в памятниках культур кыргызов и кимаков. К числу находок из памятников кимаков или кыргызов должны относиться многочисленные предметы конской сбруи. Среди них пять тройников, крепившихся к сбруйным ремням в местах их соединения. На четырех тройниках довольно точно воспро-

изведен растительный орнамент. К числу сбруйных украшений относятся прямоугольные, полуовальные, округлые и сердцевидные бляшки, накладки и наконечники ремней. Большинство из них украшено растительным орнаментом. Реже на накладках изображены противостоящие копытные животные, вероятно, косули и птицы. На отдельных бляшках имеется сетчатый орнамент и крестовидное изображение. Для кимакской культуры характерны ажурные бляхи и фигуры противостоящих фиников или павлинов. К этой же культуре должны относиться подвески или зажимы для кистей в виде парных рыбок, бляшки с изображением человеческих личин. Некоторые из этих предметов воспроизведены на прорисовках Е.Н. Дмитриевой и В.П. Левашовой со значительными неточностями, что вызвало сомнения в их датировке. Несомненно, к культуре кимаксов может относиться серьга с подвеской, фигурная застёжка и рамка от пряжки без язычка. Менее определено можно судить о культурной принадлежности бляшек в виде крылатого копытного животного, вероятно, лошади и парных фигур пушных зверей с гривами на спинах и пышными хвостами. Возможно, к эпохе раннего средневековья относится подвеска в виде стоящей фигуры человека, ажурная накладка в виде стоящей фигуры человека и ажурная накладка в виде стилизованного облака. Подобные изображения облаков характерны для китайской культуры эпохи Тан.

Видимо, не случайно большинство находок из памятников кимаксов сгруппировано на одном рисунке с соблюдением относительных пропорций и симметрии. При этом учитывалось местоположение находок в одной могиле.

Е.Н. Дмитриева и В.П. Левашова отнесли к эпохе раннего средневековья арабские дирхемы и бронзовое китайское зеркало «с изображением виноградных гроздьев».

Собранные ими материалы и попытка их интерпретации представляет несомненный интерес для истории изучения археологических памятников эпохи раннего средневековья в Прииртышье.

Для лечения и по делам службы де Геннин неоднократно приезжал с Урала в Санкт-Петербург. Туда он привез свой труд и собранную коллекцию и там же завершил работу над рукописью. Научное наследие де Геннина в изучении сибирских древностей является достоянием российской и европейской науки XVIII века.